

Е.В. Пчелов

Княжеские имена Стефановского синодика: принципы идентификации.

Впервые опубликовано в: Rossica Antiqua: Исследования и материалы. 2006 / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, А.В. Майоров. СПб., 2006. С. 291–296.

Данная работа посвящена частной проблеме изучения одного из средневековых русских источников, содержащего перечень членов княжеского дома Рюриковичей. Но принципы анализа этого перечня позволяют, на взгляд автора, проиллюстрировать некоторые общие подходы и установки, существенные как для адекватного понимания текста, так и для уяснения самой системы построения таких перечней в средневековой «синодикологической» традиции.

В 2001 г. на XIII Чтениях памяти В.Т. Пашуто доктор исторических наук Л.В. Столярова сделала доклад об интересном памятнике, датированном ею концом XVI в. – синодике Стефановской церкви псковского Спасо-Мирожского монастыря, который дошёл до нас в составе монастырского Службника (хранится в Древлехранилище Псковского музея-заповедника)¹. Тогда же в сборнике материалов конференции ею был полностью опубликован и сам текст этого источника². В синодике перечислено большое число имён князей, княгинь и духовных лиц, сгруппированных в шесть перечней: 1). великих князей, 2). русских митрополитов, 3). новгородских владык, 4). великих княгинь, 5). основателя и священников монастырского Спасо-Преображенского собора, и 6). вкладчиков Мирожского монастыря. По каждому имени Л.В. Столяровой была проведена тщательная идентификация. С большинством из них нельзя не согласиться. Однако хотелось бы обратить внимание на некоторые детали двух перечней синодика: «великих князей» (первый перечень синодика) и «великих княгинь» (четвёртый перечень). Далее рассматриваются все имена этих перечней с идентификациями Л.В. Столяровой и в ряде случаев с иными идентификациями. Номера имён соответствуют порядку их перечисления в синодике.

Помянник «великих князей» («Помяни, Господи, душа благоверных великих князей»):

1 – 3. «Великого князя Владимира. Великого князя Ярослава. Великого князя Володимера Ярославича, иже създа святую Софию». Идентификация первых трёх имён, открывающих перечень, очевидна: они определены Л.В. Столяровой как Владимир Святой, Ярослав Мудрый и сын Ярослава Владимир Ярославич, князь Новгородский, при котором в городе был построен Софийский собор.

4 – 6. «И благовернаго князя Мьстислава Ростиславича. И другаго Мьстислава. И князя Василя Мьстиславича». Двух первых князей Л.В. Столярова определила как принадлежащих к двум ветвям Ярославичей – потомству Владимира и Изяслава Ярославичей. По её мнению, это некий сын тмутороканского князя Ростислава Владимировича и внук Изяслава Ярославича Мстислав Святополчич. Точную идентификацию третьего князя исследовательница не предложила, отметив два возможных варианта: внук Андрея Боголюбского и сын Мстислава Удатного (внук Мстислава Храброго), сочтя эти кандидатуры, впрочем, «маловероятными для отождествления». Тем не менее имена всех трёх князей, очевидно, составляют некий единый комплекс, т.к. далее в тексте упомянуты сын Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич и его потомки. Таким образом вышеназванные три имени как бы «вклиниваются» между двумя частями перечня великих князей: первой, где перечислены отец, сын и внук: Святой Владимир, Ярослав, Владимир Ярославич, и последующей, где перечислены в генеалогически нисходящем порядке представители ветви Всеволодовичей-Мономашичей. Следовательно, анализ данных трёх имён должен проводиться в комплексе. И здесь единственно верной представляется идентификация их

как: Мстислава Ростиславича Храброго (внук Мстислава Великого, правнук Владимира Мономаха), его сына Мстислава Мстиславича Удатного и внука Василия Мстиславича. В пользу этого свидетельствуют: во-первых, определение «благоверный», применённое к Мстиславу Храброму – именно так он именуется в церковной традиции после его канонизации; во-вторых, логика генеалогического перечисления (дед – сын – внук); в-третьих, почитание всех трёх князей в качестве местночтимых новгородских святых, а Мстислава Храброго и в общерусском масштабе (с 1556 г.). Оба Мстислава, отец и сын, княжили в Новгороде, а старший Мстислав и его внук Василий были похоронены в новгородском Софийском соборе³.

7 – 18. «Великого князя Всеволода. Великого князя Володимера Манамаха. Великого князя Юрья. Великого князя Андрея Боголюбскаго. Великого князя Дмитрия Всеволода. Великого князя Ярослава. Великого князя Александра Невскаго. Великого князя Данила. Великого князя Юрья. Великого князя Иоанна. Великого князя Семеона. Великого князя Иоанна». Совершенно справедливая идентификация Л.В. Столяровой демонстрирует генеалогическую и династическую преемственность потомков Всеволода Ярославича: сам Всеволод, его сын Владимир Мономах, сын Мономаха Юрий Долгорукий, два сына Долгорукого – Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо, сын Всеволода Ярослав Всеволодович, его сын Александр Невский, сын Невского Даниил московский, два сына Даниила – Юрий Данилович и Иван Калита, и два сына Калиты – Семён Гордый и Иван Красный. Из всех этих князей только Даниил Александрович не был собственно «великим князем», но был назван таковым, вероятно, потому, что являлся основателем династии московских князей.

19 – 20. Далее следует имя «великого князя Иоанна», а после него «великого князя Дмитрия». Очевидно, что под вторым имеется в виду Дмитрий Донской. Первого Л.В. Столярова определила как брата Дмитрия Донского. Здесь возникают существенные сомнения, но не столько потому, что Иван Иванович, умерший в 1364 г. в детском возрасте, не был великим князем (титулование в подобных перечнях не всегда, как мы видели, может быть точным), сколько из-за нарушения старшинства: Дмитрий Донской был старше своего брата, а в перечне он оказывается на втором месте. Кроме того, неясно, зачем в Синодик нужно было помещать имя малолетнего князя, ничем выдающимся себя не зарекомендовавшего и, по-видимому, вполне забытого к XVI веку. Скорее всего мы имеем дело с ошибкой писца, который два раза зафиксировал имя Ивана Красного.

21 – 25. Следующий далее «великий князь Василий» – безусловно, Василий Дмитриевич. За ним же идут имена великого князя Иоанна, князей Юрия, Андрея и Андрея. Л.В. Столярова полагает, что первые два – это сыновья Дмитрия Донского, т.е. братья Василия I, а последние – сыновья Василия I. Однако, сыновей с именем Андрей у Василия I не было, а сын Дмитрия Донского Иван, умерший в иночестве спустя четыре года после смерти отца, никак не мог быть назван «великим князем» и тем более занимать в перечне место между Василием I и его братом Юрием Дмитриевичем звенигородским. Вряд ли можно сомневаться, что в «великом князе Иоанне» следует видеть Ивана III, а в князьях Юрии и двух Андреях – его родных братьев: Юрия дмитровского, Андрея угличского и Андрея вологодского. В пользу этого, конечно, свидетельствует и их титулование «просто» князьями, а не великими князьями, и само расположение их имён после имени старшего брата и также в порядке старшинства. Здесь, впрочем, нужно отметить два «пробела» перечня – отсутствие имён Василия II, т.е. необходимого «связующего звена» между Василием I и Иваном III, и Бориса Васильевича волоцкого, ещё одного младшего брата Ивана III. Вероятно, в самом помяннике, по-видимому, при переписке, произошла какая-то «сдвигка» - вместо двух великих князей Василиев в тексте оказались два великих князя Ивана, но общее число имён, таким образом, осталось неизменным. Отсутствие имени Бориса Васильевича, видимо, требует некоторых объяснений.

26 – 29. «Князя Михаила. Князя Иоанна. Князя Бориса. Князя Михаила». Этих князей, вне всякого сомнения, (как и предполагает Л.В. Столярова) следует считать последними тверскими князьями в их генеалогической и династической последовательности. Только под князем Борисом подразумевался, конечно, не удельный кашинский князь Борис Михайлович (как думает исследовательница), а тверской Борис Александрович. Таким образом тверские князья представлены Михаилом Александровичем (1333–1399), его сыном Иваном Михайловичем (умер в 1425 г.), правнуком Борисом Александровичем (ум. в 1461 г.) и пра-правнуком Михаилом Борисовичем, последним тверским князем, как известно, бежавшим в Литву в 1485 г. Одно поколение здесь пропущено – это Александр Иванович, занимавший тверской престол после Ивана Михайловича. Но его правление, как и правление его старшего сына Юрия, было быстротечным – оба князя (как и Иван Михайлович) скончались вслед друг за другом от свирепствовавшего тогда на Руси мора и потому не оставили по себе долгой памяти. На этом помянник «великих князей» заканчивается.

Итак, мы видим, что он включает четыре части, перечисление имён в каждой из которых подчиняется чёткой генеалогической последовательности: 1. Дед, сын и внук – Владимир Святославич, Ярослав Мудрый и Владимир Ярославич; 2. Дед, сын и внук – новгородские святые Мстислав Храбрый, Мстислав Удатный и Василий Мстиславич; 3. Генеалогия Всеволодовичей-Мономашичей от Всеволода Ярославича и вплоть до поколения Ивана III и его трёх братьев; 4. Тверские князья.

Помянник «великих княгинь» («Помяни, Господи, благоверных великих княгинь»):

Очевидно, что этот перечень также следует рассматривать, во-первых, в его целостности, т.е. как некий текст, имеющий определённую структуру в целом и подчинённый определённому замыслу, и, во-вторых, вероятно, в сопоставлении с перечнем «великих князей».

1. «Великую княгиню Олгу». Сомнений нет, как и полагает Л.В. Столярова, это жена Игоря Рюриковича, мать Святослава и бабка Святого Владимира.

2. «Великую княгиню Анну». По мнению исследовательницы, скорее всего это первая жена Ярослава Мудрого (кандидатура Анны Романовны, византийской принцессы, жены Святого Владимира, Л.В. Столяровой представляется «маловероятной»). Хотя в действительности у Ярослава Мудрого и не было жены с именем Анна⁴, в церковной традиции, по крайней мере, с 1556 г. считалось, что Анна – мать создателя новгородской Софии Владимира Ярославича (на самом деле старшего сына второй жены Ярослава – шведской принцессы Ингигерд (Ирины)) и что она похоронена в этом соборе рядом с ним⁵. До сих пор эта княгиня Анна почитается общерусской святой (в паре с Владимиром Ярославичем, как мать и сын). Так совершенно мифическая личность является реальностью русской агиографии. Её упоминание в Стефановском синодике соотносится с упоминанием и Ярослава Мудрого, и особенно Владимира Ярославича в помяннике великих князей. Отождествление же имени княгини Анны с христианской женой Святого Владимира Анной Романовной невозможно, думается, по двум причинам: во-первых, никакого существенного следа в династической памяти она, как можно думать, не оставила (несмотря на то, что женитьба на ней считалась поводом крещения Руси), а, во-вторых, имя князя Владимира сопрягалось в церковной традиции и древнерусской литературе прежде всего с именем его бабки – княгини Ольги – двое первых, по времени жизни, святых княжеского рода и оба равноапостольные, основоположники христианства на Руси.

Таким образом, два первых имени в помяннике великих княгинь чётко соответствуют трём первым в перечне великих князей. Если в целом охватить эту генеалогическую и династическую последовательность, то она получится такой: Ольга – Владимир – Ярослав – Анна – Владимир Ярославич.

3. Более сложен вопрос со следующим именем – «великая княгиня Ефросения инока». Л.В. Столярова идентифицировала её как жену псковского князя Ярослава

Владимировича и тётку знаменитого князя Довмонта (Тимофея) (другая, но «маловероятная» кандидатура, предложенная исследовательницей – жена Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна, которая также в иночестве носила имя Евфросиния). Однако, кроме непосредственного отношения к Пскову, отождествление иноки Ефросении с псковской княгиней более ничем не подтверждается. Действительно, не вполне ясно в таком случае, почему она именуется «великой княгиней», и почему тогда в перечне великих князей отсутствует имя её мужа (князь Довмонт отнесён в другой помянник князей – жертвователей монастырю, и назван там «обычным» титулом «князь», а не «великий князь»). Мне кажется более вероятным, что под именем инокини Ефросинии имелась в виду жена Ярослава Всеволодовича и мать Александра Невского великая княгиня Феодосия (в иночестве Евфросиния), умершая в 1244 г. Она, кстати, была дочерью Мстислава Удатного, похоронена в Георгиевском соборе новгородского Юрьева монастыря (хотя в XVI в. считалось, что во Владимире⁶) и также со временем стала местночтимой новгородской святой. И её отец Мстислав, и муж Ярослав, и сын Александр присутствуют в перечне «великих князей». Это предположение подкрепляется и тем, что далее следует имя «великой княгини Александры», в которой Л.В. Столярова обоснованно видит жену Александра Невского – полоцкую княжну Александру Брячиславну (4).

Далее идут уже имена княгинь Московской династии. 5 – 6. «Великую княгиню иноку Софью. Великую княгиню иноку Марфу» – это, как и полагает исследовательница, Софья Витовтовна, жена Василия I и мать Василия II, и Мария Ярославна, жена Василия II и мать Ивана III. Мария Ярославна носила в иночестве имя Марфы, что и зафиксировано в Синодике. Правда, Л.В. Столярова предлагает и другую возможную кандидатуру, поставленную ею даже на первое место. Это жена Довмонта Мария Дмитриевна, дочь великого князя Дмитрия Александровича и внучка Александра Невского. Но это имя не подходит сюда даже по чисто хронологическим соображениям, не говоря уже о титуловании и отсутствии в помяннике великих князей имени Довмонта.

7. «Царицу Анну». Однозначно идентифицировать это имя Л.В. Столярова затруднилась: она предложила несколько княгинь, начиная от мачехи Владимира Мономаха и до тётки Дмитрия Донского ростовской княжны Анны Константиновны, и даже упомянула об умершей в младенчестве и ничем не примечательной дочери Ивана Грозного от первого брака – царевне Анне. Между тем поиск подходящей «кандидатуры» определяется двумя обстоятельствами: расположением имени между именами жены Василия II и первой жены Ивана III (далее в Синодике названа великая княгиня Мария Борисовна) и титулом «царица». Такой титул на Руси до Ивана III из православных государей мог быть применим только к византийской императорской семье, а поиск среди родственного окружения Василия II и Ивана III закономерно приводит к имени дочери Василия I и сестры Василия II Анны Васильевны (1400–1417). С 1411 г. она была женой византийского царевича, наследника трона Иоанна Палеолога, будущего императора Иоанна VIII, но в юном возрасте умерла от чумы. Хотя Иоанн стал единодержавным василевсом только в 1425 г., т.е. после смерти Анны, уже в 1410-х гг. он мог титуловаться императором, а, следовательно, наименование Анны «царицей» вполне объяснимо (именно так её и называли в русских источниках)⁷. Но даже независимо от реального титулования Иоанна титул царицы по отношению к Анне в русской традиции объясняется примечательным переосмыслением этого брака. Дело в том, что династический союз Анны и Иоанна, пусть и недолговременный, имел весьма существенное значение в осознании политической и династической истории тогдашней Руси⁸, вплоть до того, что в «Степенной книге царского родословия» (созданной на рубеже 1550-х – 1560-х гг.⁹) зафиксирована версия, согласно которой на Анне женился даже не Иоанн, а его отец император Мануил II Палеолог¹⁰. Таким образом Русь оказывалась теснейшим образом связанной с Византией династическими узами, причём задолго до женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, а сама Софья в этом случае становилась кровной родственницей Ивана III и потомком московской великокняжеской династии (поскольку доводилась внучкой

Мануилу). Именно представление о браке Анны и императора Мануила объясняет титулование Анны царицей в русских текстах.

8 – 11. Остальные имена великих княгинь – «Великую княгиню Марью. Великую княгиню Феодосию. Великую княгиню Софью во иноцех Соломонию. Великую княгиню Олену» – в целом не вызывают сомнений в предложенных Л.В. Столяровой идентификациях. Это первая жена Ивана III тверская княжна Мария Борисовна (чь предки перечислены в заключительной части «помянника великих князей»), затем, вероятно, дочь Ивана III Феодосия (с 1500 г. жена князя Василия Даниловича Холмского), далее Соломония Сабурова и Елена Глинская. На этом перечень «великих княгинь» заканчивается. Присутствие в нём имени Феодосии Ивановны Холмской с титулованием её «великой княгиней» свидетельствует вроде бы об особой значимости этой персоны среди женщин княжеского рода, но чем вызвано это отношение, судить не берусь (сама Феодосия скончалась буквально через год после свадьбы, а князь Холмский в ноябре 1508 г. попал в опалу, был сослан на Белоозеро, где и умер¹¹). В то же время обращает на себя внимание отсутствие среди «великих княгинь» Софьи Палеолог, а при сопоставлении этого перечня с помянником великих князей отсутствие в последнем имени Василия III (несмотря на то, что названы обе его жены). Возможно, это объясняется одновременным созданием самих перечней¹².

Анализ обеих частей синодика показывает, что, во-первых, при составлении подобных перечней чётко соблюдалась генеалогическая (а значит, и династическая, и хронологическая) последовательность в перечислении княжеских имён. При этом некоторые имена могли группироваться в «тематические» блоки, внутри которых они также распределялись по генеалогическому старшинству. Во-вторых, перечни мужских и женских княжеских имён в общих чертах обнаруживают соответствия друг другу, и потому необходим их комплексный анализ не только в рамках каждого перечня, но и между собой. Тем самым можно достичь высокой степени надёжности в идентификации упомянутых в синодике лиц. Однако, самое существенное, при анализе имён следует исходить не из известной нам реальной генеалогии Рюриковичей, а учитывать те представления об этой генеалогии, которые существовали на тот момент в историографической традиции. Эти представления далеко не всегда были адекватны реальности (что мы видели на примерах первой жены Ярослава Мудрого – Анны, или дочери Василия I «царицы» Анны), но именно они и определяли состав таких перечней. Анализ княжеских помянников позволяет исследователю определить, какие персонажи династической истории считались наиболее значимыми и почему, и реконструировать важные черты генеалогической картины прошлого в исторической памяти последующих поколений.

© Русская антропологическая школа, 2009

¹ *Столярова Л.В.* Синодик Стефановской церкви псковского Спасо-Мирожского монастыря конца XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2001. С. 168–172.

² Помянник великих князей, княгинь, митрополитов и архиепископов Новгородских (Стефановский синодик) / Публ. Л.В. Столяровой // Там же. С. 211–220.

³ Подробно об этом см.: *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 119–134.

⁴ Но всё-таки был первый брак (подробнее см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 490–491).

⁵ *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 135–139.

⁶ Там же. С. 93–97, 112–113.

⁷ См.: *Медведев И.П.* Русская княжна на византийском троне // Вопросы истории. № 2, 1995. С. 144–147.

⁸ *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского кремля: Иконографическая программа XVI в. М., 2004. С. 156–157.

---

⁹ *Усачёв А.С.* О датировке Степенной книги // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто, IV Чтения памяти А.А. Зимина. Тезисы докладов. Ч. II. М., 2005. С. 271–274.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 21. Ч. II. СПб., 1913. С. 423.

¹¹ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 112–113.

¹² Ср.: *Столярова Л.В.* Указ. соч. С. 170.